

Взгляды крестьянъ Кадниковскаго уѣзда на земельную собственность.

„Собственность священна“ — говоритъ нашъ основной законъ и не дѣлаетъ почти никакого исключенія изъ этого правила и для земельной собственности; исключеніемъ изъ положенія можетъ служить лишь отчужденіе участковъ земли ради государственной необходимости, напр., подъ постройку желѣзныхъ дорогъ.

Не то говоритъ народъ. По истари сложившемуся воззрѣнію крестьянъ, земля — „ничья“, „даръ Божій“, и ни крѣпостное право, ни всякія пертурбаціи нашего правительства не могли искоренить этого взгляда крестьянъ на земельную собственность. „Право каждаго на пожизненное владѣніе землею до того вросло въ понятіе народа русскаго, говоритъ г. Герценъ, — что, переживая личную свободу крестьянина, закабаленнаго въ крѣпость, оно выразились, повидимому, бессмысленной поговоркой: „мы господскіе, а земля наша“¹⁾. Современный изслѣдователь зрянской общины говоритъ, что, по воззрѣнію зрянъ, „каждый имѣетъ право трудиться на свободной и незанятой трудомъ другого землѣ“.²⁾

Но въ то же время цитируемый мною авторъ поясняетъ, что хотя каждый имѣетъ право разработать свободный участокъ земли, но пользоваться имъ можетъ только до тѣхъ поръ, „пока не окупятся расходы по обработкѣ, послѣ же этого община имѣетъ право отобрать излишнюю противъ другихъ общинниковъ часть и передать ее тѣмъ, у кого земли меньше“. Такой принципъ пользованія землею почти равняется пожизненному владѣнію, такъ-какъ сроки по окупкѣ труда на обработку земельного участка назначаются зрянками довольно продолжительныя, напр.

¹⁾ Соч. Герцена, т. VI, стр. 284.

²⁾ Большаковъ. „Община у зрянъ“, „Жив. Ст.“, 1906 г., вып. II.

20, 40 и даже 60 лѣтъ, смотря по количеству затраченнаго труда и качеству самого участка.

Всѣ эти воззрѣнія на владѣніе землею вполне раздѣляются и крестьянами Кадниковскаго уѣзда, но лишь по отношенію въ общиннымъ землямъ. Здѣсь также каждый общинникъ имѣетъ право разработать, гдѣ ему угодно, въ предѣлахъ общиннаго владѣнія, участокъ земли и пользоваться имъ, но съ тою лишь разницею, что опредѣленныхъ сроковъ на такое пользованіе не назначается, а они совпадаютъ всегда съ мірскими передѣлами, обыкновенно случающимися черезъ 20—30 лѣтъ. Распахалъ или расчистилъ подъ сѣносовъ участокъ земли какой-либо крестьянинъ 20—30 лѣтъ тому назадъ, или же только 2—3 года всего, но разъ міръ порѣшилъ передѣлить землю, то и этотъ участокъ поступаетъ въ общую массу передѣляемой земли. Никакого исключенія, хотя бы въ видахъ поощренія разработавшему участокъ, не дѣлается при этомъ.

Такииъ образомъ, хотя признается земля Божіею, но съ оговоркою, что распорядиться и пользоваться ею можетъ только община, „міръ“, а не единичные его члены. Исключеніемъ изъ обычнаго права служить земли усадебной осѣдлости и то занятыя строеніями, каковыя ни передѣлу, ни отчужденію не подлежатъ. Но огороды, хотя и входятъ въ составъ усадебной осѣдлости и передѣлу не подлежатъ, но отъ права застройки ихъ сосѣдями не ограждены: каждый членъ общины можетъ занять вашу лучший огородъ для необходимой ему постройки, если своей земли по близости у того нѣтъ. Взамѣнъ того строитель отдастъ вамъ изъ своего огорода то количество евадр. сажень, какое онъ занялъ постройкою.

Что касается купленныхъ, крѣпостныхъ земель, то взгляды крестьянъ на пользованіе ими за послѣднее время нѣсколько измѣнились и погнулись въ сторону личнаго индивидуальнаго землевладѣнія. Но, при сохраненіи прежняго воззрѣнія на землю, что она „ничья“, и при введеніи въ жизнь новаго положенія, что она же можетъ быть куплена „въ вѣчное и потомственное владѣніе“, взгляды крестьянъ на дѣйствительное и справедливое пользованіе ею такъ разнообразны, что прослѣдить ихъ всѣ и описать въ краткой статьѣ нѣтъ возможности. Въ данномъ случаѣ царитъ полная путаница въ понятіяхъ о томъ, что справедливо и что нѣтъ, очевидно народъ, не отрекаясь отъ стараго воззрѣнія на землевладѣніе и принявъ новое („личная собственность неприкосновенна“), не ориентировался еще въ этомъ и находится, такъ сказать, въ хаотическомъ положеніи, на рас-

Представимъ себѣ, что деревня N такого-то общества купила въ личную собственность отъ помѣщика по-занадѣльный участокъ земли и раздѣлила его между собою по количеству, т. е. по суммѣ денегъ, затраченной каждымъ на эту покупку. Здѣсь каждый крестьянинъ будетъ дорожить всякимъ вершкомъ своей полосы и дрожать за каждый самовольно срубленный, хотя бы его сосѣдомъ, сукъ дерева и за каждую охапку сѣна. Въ данномъ случаѣ взгляды крестьянъ на крѣпостную землю будутъ рѣзко противопоставлены ихъ же сложившемуся взгляду на землю надѣльную, общинную, и такимъ образомъ принципъ личной собственности въ деревнѣ N будетъ существовать рядомъ со старымъ взглядомъ, что земля „Божья“. Очень естественно, что такая двойственность будетъ вызывать разные конфликты съ господами, что и замѣчается нерѣдко.

Деревня же X того же общества и того же бывшего помѣщика, но владѣвшая при крѣпостномъ правѣ отдѣльнымъ отъ деревни N участкомъ земли, при освобожденіи и послѣ отвода надѣловъ не купила по-занадѣльную землю, которая перешла по купчей какому-нибудь купцу. Здѣсь крестьяне уже всецѣло держатся стараго воззрѣнія на землю, что она „ничья“ и при всякой возможности рубятъ лѣсъ самовольно не только ради своей надобности, но и для продажи, и не считаютъ это грѣхомъ, оправдываясь тѣмъ, что не помирять же имъ съ голоду изъ-за того, что толстосумы скупили ихъ землю. Какъ видно, крестьяне твердо держатся того взгляда, что исключительное владѣніе одного лица такимъ количествомъ земли, которое обезпечило бы жизнь цѣлой деревни—владѣніе несправедливое и его рано или поздно, должно правительство уничтожить, и за послѣднее время питаютъ глубокую надежду, что Государственная Дума издастъ такой законъ, что отъ купца земли можно отобрать (за плату на счетъ казны или крестьянъ—кто и какъ мечтаетъ).

Далѣе. Представимъ себѣ, что лишь часть такой-то деревни купила по-занадѣльный участокъ земли, въ этомъ случаѣ некупившіе, хотя съ болью въ сердцѣ, но признаютъ право на владѣніе участкомъ за своими сосѣдами, и хотя не преминуть при случаѣ срубить деревцо, но все-таки считаютъ это незаконнымъ и противнымъ своей совѣсти. Здѣсь какъ бы руководить крестьянами принципъ труда. Не купившіе сознаютъ, что купили землю ихъ сосѣди не для эксплуатаціи ихъ, не для барыша, а для своей надобности, и сами ее обрабатываютъ, что, въ свою очередь, не является противорѣчіемъ ихъ убѣжденію, что право на владѣніе землею можетъ принадлежать только трудящимся

людямъ. Но какъ согласовать вмѣстѣ съ этимъ то, что на первый взглядъ кажется противорѣчивымъ, напр., въ числѣ купившихъ землю односельчанъ найдется одинъ или два человѣка ремесленники или торговцы, вообще люди не обрабатывающіе землю трудами своихъ рукъ, а сдающіе ихъ въ аренду другимъ, а между тѣмъ они пользуются равноправіемъ съ трудящимися, что считается и по совѣсти правильнымъ? Миѣ кажется, главную роль играетъ тутъ въ понятіи крестьянъ видимость, что купившій землю, ихъ сосѣдъ, тоже трудится и не меньше другихъ, но лишь въ другой отрасли, и лишить его права на владѣніе землею нельзя, потому что ремесло можетъ стать невыгоднымъ, а торговля можетъ привести къ банкротству, чѣмъ же имъ жить, не имѣя земли? Земля, въ понятіи крестьянъ, служитъ фондомъ обезпеченія отъ голодной смерти, и не даромъ существуетъ такая пословица, „держись за землю,—трава обманетъ“. Подъ именемъ травы здѣсь понимаются всѣ сторонніе отъ земледѣлія заработки и проч. „наживы“.

Въ какой бы уголокъ Кадниковскаго уѣзда мы ни обратили свой взоръ, всюду замѣчается одно и то же явленіе: тамъ, гдѣ по-занадѣльная земля куплена самими крестьянами, въ деревняхъ этихъ старыи взглядъ на земельную собственность отлично уживается съ новымъ возрѣніемъ личной собственности; гдѣ же она куплена не всѣми домохозяевами, а лишь небольшою группою, тамъ замѣчается и рознь во взглядахъ и, какъ послѣдствія этого, неизбѣжныя ссоры и тяжбы изъ-за порубокъ. Нечего уже говорить о томъ, что гдѣ такая земля скуплена „пришлыми“ людьми, а мѣстные жители принуждены арендовать не только покосы, но даже и лѣсъ на постройку — тутъ понятно, что крестьяне держатся стараго взгляда, по которому земля „ничья“, и производится массовыя порубки лѣса. Мало того, въ послѣднее время учащаются и самовольныя скосы травы во владѣльческихъ дачахъ не только единичными лицами, но и цѣлыми деревнями совокупно. Никакія убѣжденія, что такъ дѣлать незаконно, не помогаютъ, никакія начальства не дѣйствуютъ на крестьянъ, которые твердо стоятъ на томъ, что безъ земли быть нельзя, а на угрозы отвѣчаютъ, что „дальше солнышка не сошлешь“.

Въ заключеніе не лишнимъ считаю привести здѣсь одинъ характерный фактъ. Крестьяне деревни К. по освобожденіи своемъ изъ вѣрностной зависимости тотчасъ купили у своего помѣщика всю оставшуюся за надѣломъ землю, въ количествѣ нѣсколькихъ тысячъ десятинъ — и что-то за ничтожную цѣну. Пока живы были старики-покупщики — деревня эта процвѣтала,

хотя жили въ ней не очень богато, но за то „хлѣбно“, такъ сказать. Имѣя огромное количество купленной земли, крестьяне завели смоло- и дегте-журенные заводики, на которыхъ въ зимнее время выкуривали эти продукты, чѣмъ и зарабатывали нужными средствами на уплату повинностей и на домашнія надобности, въ лѣтнее же время занимались хозяйствомъ и, имѣя въ своемъ распоряженіи по 15—20 гол. рогатаго скота на домъ, хозяйствовало отлично, и поля давали хорошей урожай хлѣбовъ. Но вотъ мало по малу старики одинъ по одному убрались въ мѣста праотцевъ, остались въ живыхъ болѣе молодые хозяева. На бѣду молодыхъ обратили вниманіе на Кадниковскіе лѣса Петербургскія и инныя крупныя лѣсопромышленныя фирмы и выстроили на устьѣ р. Кубены лѣсопильные заводы. Началась усиленная скупка лѣсовъ по самымъ дешевымъ цѣнамъ. Лѣсу же у крестьянъ деревни К. было много и стали имъ возить скупщики лѣса на домъ деньги—только рубите. Такому случаю К. обрадовались и не только сами начали истреблять лѣса, но даже нанимали со стороны рубщиковъ и наживали отъ этой операціи по 300—500 р. въ зиму на каждый домъ, чего лучше? „Масленица, не жизнь настала для К.“, говорили сосѣди, жители другихъ деревень.

И дѣйствительно „масленица“: самовары у К. не сходили со стола по цѣлымъ суткамъ, а къ чаю, конечно, закуска и водка, сами они все менѣе и менѣе занимались работою, производя ее наймомъ. Но лѣса не такъ быстро растутъ, какъ истребляли ихъ К., и черезъ 12—15 лѣтъ крупныхъ сортовъ у нихъ уже не стало, а мелкіе сорта на лѣсопильни не покупаютъ, крестьяне же между тѣмъ привыкли къ роскоши и пьянству, отъ тяжелой работы отвыкли. Насталъ и для нихъ Великій постъ. Не долго думая, крестьяне эти, чтобы пополнить свой бюджетъ, начали продавать въ собственность сначала лѣсныя полосы, потомъ и сѣновосныя—и въ настоящее время у большинства изъ нихъ остался лишь одинъ небольшой полевой кругъ, и оказались они одними изъ самыхъ бѣднѣйшихъ въ волости. Изъ всѣхъ 25-ти домохозяевъ остались 5—6 семей, которыя не только сохранили „отцовское добро“, но еще прибавили къ нему немалую толику отъ себя, скупивши у „охочихъ до водочки“ лѣсныя и сѣновосныя участки.

Теперь обазывается, что и эти обезземелившіеся по своей нерасчетливости крестьяне ждутъ не дождутся такого закона, когда можно будетъ отобрать проданную ими землю обратно, такъ какъ безъ земли жить нельзя. На вопросъ, какъ это сдѣ-

зять и кто же виновать, что они промотали свою землю, они отвѣчаютъ: „конечно, мы виноваты, и съ нами казна (правительство), что хочеть, то и дѣлай, хоть на ваторгу посылай, но дѣти то наши чѣмъ виноваты, а вѣдь имъ придется жить-то?...“

Замѣчательно, что и тѣ лица, которыя скупили у этихъ крестьянъ земельные участки, тоже сознають, что жить имъ безъ этой земли невозможно и стараются теперь какъ можно скорѣе дорубить эти участки, чтобы хоть свои-то деньги выручить, а тамъ „что Богъ дастъ“, говорятъ они.

Вотъ какіе разнообразныя взгляды господствуютъ въ настоящее время среди крестьянъ Кадниковскаго уѣзда на земельную собственность и какъ урегулировать земельное дѣло — вопросъ весьма сложный, надъ рѣшеніемъ котораго придется поработать много и не спѣша членамъ Государственной Думы и другимъ устроителямъ земли русской.

А. Шустиковъ.

3 декабря 1906 г.